

ГЛАВА 1

КТО УГОДНО, ТОЛЬКО НЕ ШТЕПСЕЛЬ

*Двадцать до этого дней от Огигии острова
гнали*

*Бури и волны меня. Зброшен теперь и сюда
я Богом, чтоб новым напастям
подвергнуться.*

ГОМЕР. Одиссея

Много лет назад у меня было всего две кошки. Тогда я объявила, что если возьму себе третью, то назову Мяу Цзэдун, а проще — Председатель.

— И нечего на меня пялиться как на *полоумную*, — говорила я друзьям. Видимо, они в чем-то таком меня подозревали. — По-моему, очень даже забавно.

Шутка, впрочем, была с двойным дном. Сарказм состоял не столько в имени, сколько в самой вероятности того, что я когда-нибудь решусь на такой монументальный шаг, как завести еще одну кошку. Так, во всяком случае, мне казалось в мои двадцать четыре. После трех лет совместной жизни мы только-только расстались с Джорджем, а ведь я всерьез собиралась за него замуж. На моем попечении осталось все наше совместно нажитое потомство: кроткая, белая и пушистая Вашти и по-королевски невозмутимая дымчато-серая табби по имени Скарлетт. С одной стороны, я, конечно, радовалась, что со мной рядом будут две такие красавицы. С другой — осознала, какие осложнения ждут нас в моем новом статусе. О подобных проблемах я и помыслить не могла, надеясь, что отношения с Джорджем продлятся вечность. В то время я ютилась у подруги в свободной спальне, лихорадочно пытаюсь наскреести на аренду и отвергая варианты вроде «Сдам кв. в отл. сост., недорого (без дом. жив-х!)». Нечего было и помышлять о романе

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

с каким-нибудь обеспеченным аллергиком. Сама же я работала на благотворительную организацию «Юнайтед уэй оф Майами-Дэйд», которая в основном держалась на волонтерах. Именно поэтому в конце месяца на моем счете редко оказывалось больше полусотни долларов. Естественно, прививки, травмы, болезни подкашивали наш и без того скудный бюджет.

— ...Я уже не говорю о социальном аспекте, — подхватывала моя подруга Андреа. — А его суть в том, что в мире немало бродячих кошек, которых ты еще можешь пригреть, пока тебе двадцать четыре и ты одинока. Но, учти, не за горами день, когда соседские мальчишки начнут тыкать в тебя пальцем и называть не иначе как «старая дева Купер». На вопрос «Кто тут живет?» они станут отвечать: «Да старая карга Купер, кошатница. Она ку-ку, у нее не все дома...»

Я пока не ощущала себя «ку-ку», но кошки на душе и впрямь скребли. В таких обстоятельствах заводить разговор о третьем котенке равносильно тихому помешательству. Все равно что представлять себе, чего бы я только ни накупила, выиграв в лотерею.

Но в один прекрасный полдень, спустя всего несколько месяцев после расставания с Джорджем, раздался звонок. Это была Пэтти — самая младшая, всего на три года старше меня, из бригады ветеринаров, наблюдавших Скарлетт и Вашти. Она-то и поведала мне долгую и печальную историю. Такая вполне годилась для сериала длиной в жизнь, если бы их снимали для кошек.

У них в клинике, по словам Пэтти, бездомный котенок. Из-за запущенной вирусной инфекции ему удалили оба глаза. Та семейная пара, что принесла малыша, забирать его обратно не хочет. И вообще никто не хочет, даже те, кто изначально был готов приютить котенка с дефектом. Как оказалось, только не с таким. Она уже обзвонила всех, и этот звонок последний, прежде чем...

Договаривать она не стала, но в этом не было нужды... Я и без нее понимала, на что обречен слепой котенок, если его в ближайшее время не заберут из приюта при ветеринарной клинике.

«Нет-нет, — зазвучал у меня в голове хор из греческой трагедии. — Все это очень печально, но смертных ли это забота — идти против воли богов?»

Я принадлежу к числу тех, кто классику не только почитает, но и почитывает, и даже, признаюсь, взалхб. Прекрасно осознаю,

какую власть имеют надо мной слова. Швырнуть такими словами, как «слепой», «брошенный», «никому не нужный» и «сирота», — все равно что бросить человека в атаку на вражеские окопы с... игрушечным ружьем. Возможности у меня самые скромные.

Холодным аналитическим умом, свойственным моему вну-треннему древнегреческому хору, я не обладала. Но не могла не признать стоящую за ним вековую мудрость, и потому...

— Забегу на него посмотреть, — ответила я и, помолчав самую малость, добавила: — Только я ничего не обещаю.

Признаться, я никогда не замечала за собой такой рассуди-тельности: «Посмотрю, а там видно будет», когда вставал вопрос о приеме питомца в семью. Мне никогда и в голову не приходило «заглядывать животному в зубы», чтобы решить, насколько оно особенное и родственные ли мы души. Моя философия по повод-у домашних зверушек не расходится с той, что я исповедую по отношению к детям. Что дано — то дано, и не тебе решать, как быть. Твое дело любить, любить безоговорочно, презрев вредный характер и недостатки. В моем детстве у нас находила приют самая разношерстная собачья публика. Кого-то бросили, а кого-то оби-дели бывшие хозяева. Кто-то явно не желал проситься на улицу. Кто-то обожал пожирать ковры и обдирать обои. Кто-то освоил ценный навык подкопа под забор, а кто-то имел склонность лязгать челюстями при малейшем испуге. Скарлетт и Вашти с разницей в год попали к нам от людей, подобравших их где-то в закоулках Майами полуторамесячными, полуголодными и полузаеденными блохами и прочей кошачьей гнусью. Я приняла их еще заочно, а при встрече оставалось их только забрать.

Вот почему, направляясь на встречу с Пэтти, я чувствовала, что поступаю с ней более чем бесчестно. Она-то не знала того, что известно мне. А я понимала, какой смысл вкладывала в слова «забегу посмотреть». «Не нужен мне никакой третий кот, во вся-ком случае сейчас» — вот какой. Но я почувствовала бы себя очень-очень плохой, если бы отказала наотрез, выслушав историю до конца. А маленькой оговоркой я сохранила за собой моральное право слезть с крючка.

— Мы просто обязаны его взять. Он должен жить дома, — решительно сказала мне Мелисса накануне вечером, когда я поведала

ей историю слепого котенка. Мелисса мне не чужая — у нее-то я и жила в одноэтажном доме на две спальни с видом на Саут-Бич. Все затраты — оплату счетов, покупку продуктов и мелочей для дома — мы делим пополам. При этом я еще и пыталась выкроить деньги на съём жилья. Так что, когда Мелисса говорит «дом», она имеет в виду именно этот. Она замечательная, и она здесь хозяйка. На многое из того, что кажется мне непреодолимым, она обращает не больше внимания, чем на досадный глюк на экране монитора. Ни выросшие счета от ветеринаров, ни бесплодные попытки подыскать жилье на троих (или уже на четверых со мной вместе?), ни перспектива попасть в категорию «несвидабельных», как нынче говорят, — ничто не могло вызвать у нее состояния, даже близкого к агонии. Что касается последнего пункта, то лично я едва ли не наяву слышала мужские голоса откуда-то из будущего: «Вот что я скажу тебе, приятель: вообще-то, она отпадная, отнюдь не дура, и всё при ней, но три кошки в довесок... сам понимаешь...»

Честно говоря, я даже не успела задуматься о том, подхожу ли сама такому котенку. Тут, наверное, нужен особый уход, но в чем он заключается? И что делать, если он так и не научится сам передвигаться? Что, если мои кошечки знать его не захотят и устроят ему несносную, по кошачьим меркам, жизнь? А если я сама окажусь не готова к тяготам подобной опеки? Я, которая и о себе-то позаботиться *не может*, если принять в расчет тот факт, что, по сути, я и сама бездомная.

Что меня вдохновило, так это произнесенное Мелиссой слово «мы». По крайней мере, есть на кого положиться. А раз так, где-то в потаенных уголках подсознания уже зашевелилась мысль: «А может, и впрямь рискнуть и привезти его сюда. Почувствую, что не справляюсь, — всегда есть Мелисса...»

— ...Но последнее слово, конечно, за тобой, — эхом донесся до меня ее голос. — Ведь, когда ты подыщешь себе жилье, вы, естественно, переедете вместе.

* * *

На встречу с ветеринаром я мчалась со всей скоростью, на которую были способны мотор и колеса. Меня подгоняло прежде всего чувство вины: не возьму я — не возьмет никто. Я — легкая мишень,

когда дело касается животных, и все это знают. Я была ветераном среди волонтеров всевозможных организаций, которые помогали зверушкам по всему Майами. Когда еще мы жили с Джорджем, я часто приходила домой в слезах. Вопреки всем разумным доводам я умоляла забрать из приюта собачку или кошечку, которым грозила эвтаназия, если хозяин не найдется. Единственное столкновение с законом случилось у меня в студенчестве. Тогда я участвовала в акции протеста возле университетского центра по изучению приматов в собственном учебном заведении. Меня даже арестовали. А в школьные годы до самого здания школы меня всегда сопровождала стайка бродячих собак и кошек. Им я усердно скармливала свой завтрак, не задумываясь, как буду перебиваться на большой перемене.

«Все потому, что у меня нет зрелого, твердого характера и трезвого ума, — сказала я себе почти со злостью, едва вписываясь в парковку. — Я слишком мягкотелая, а последствия оценить не умею. Это и привело, а вернее, довело меня до того, что я здесь. Ни своего дома, ни денег, ни семьи. А ведь мне казалось, что я много лет строю надежное будущее. И что в итоге?» Я поймала себя на том, что подспудно пытаюсь разозлиться. Видно, проще убедить себя, что ты злишься и на то есть причины, чем признать, что ты в панике.

На дворе стоял до свирепости удушливый поздний август. Над раскаленным асфальтом колыхались похожие на сказочных джиннов серебристые волны восходящего воздуха, словно немые стражи у врат ветеринарной клиники. Секретарша за приемной стойкой тепло, если не ласково, приветствовала меня и немедленно вызвала Пэтти. Та высунула голову из-за двери прямо за конторкой и пригласила меня: «Заходите же!» Я проследовала за ней вдоль рядов клеток с кошечками и собачками. Не то чтобы я не замечала их раньше. Скорее, не давала себе труда задуматься о том, что их ждет. Мне всегда казалось, что хозяева временно оставили их на попечение ветеринаров и вот-вот вернуться и все наладится. Только сейчас я поняла, что здесь бывших хозяев не ждут. Вся надежда на таких, как я: может, возьмут, а может, и нет.

В конце коридора, обшитого вагонкой, Пэтти отворила дверь в амбулаторию. На столе для осмотра пациентов стоял одинокий

пластмассовый ящик, даже без крышки. «Чтобы лучше узнать друг друга», — кивнула Пэтти. Я подошла поближе и заглянула внутрь. «Какой же он крохотный», — мелькнула мысль. Обе моих кошки оказались у меня примерно в том же возрасте. Но я уже и забыла, какими маленькими бывают месячные котята. С виду он весил меньше сотни граммов. Свернувшись в клубок, он замер у дальнего края ящика. Маленький пушистый комочек без труда уместился бы на моей ладони. В иссиня-черной шерстке ни проблеска другого цвета. Зато она вся взъерошена, будто напитана статическим электричеством. Это черта всех маленьких котят, словно от слов «гладкий» или «прилизанный» все волоски у них встают дыбом. На месте глазниц — щелочки, стянутые швом. На шее — специальный пластмассовый воротник, чтобы малыш ненароком не добрался до швов.

— Я сшила веки, — объяснила Пэтти, — чтобы не было видно пустых глазниц. Со стороны кажется, будто он спит или еще не проснулся.

Глядя на шов в виде английской буквы X, я подумала: пожалуй, она права. Мне отчего-то вспомнились детские мультяшки, где героя в отключке изображают, просто нарисовав крестик на зрачках.

— Эй, привет, — тихонько шепнула я и наклонилась пониже. Пусть голос звучит на одном уровне с его головой, а не гремит сверху, точно жуткие раскаты грома. — Привет, парень!

Черный пушистый комочек, покачиваясь, поднялся на лапки. Я осторожно вытянула ладонь — она показалась мне какой-то чужой и великанской — и поскребла по доньшкку ящика. Котенок потянулся на звук и, болтая головой под тяжестью пластмассового хомута, наконец уткнулся в мои пальцы и с любопытством их обнюхал.

Бросив вопросительный взгляд на Пэтти, я услышала: «Можете взять на руки, если, конечно, хотите».

Бережно вынув котенка из ящика, я прижала его к груди, поддерживая одной рукой снизу, а другой — под передние лапки, и прошептала: «Ну здравствуй, малыш».

Повернувшись на голос, котенок потянулся передними лапками к моему левому плечу. Сквозь хлопковое волокно рубашки я ощутила подушечки тонких лапок. Поднатужившись изо всех сил — даже мне это было заметно, — он попробовал вскарабкаться мне на плечо. Но коготки были слишком слабые, чтобы удержаться

его вес. Оставив безуспешные попытки, он вновь заворочался. Попытался ткнуться мордочкой в ямку на моей шее, насколько позволял воротник. Потом попробовал потереться мордочкой о мое лицо, но на щеке я ощутила лишь холодный пластик. Затем он замурчал. Воротник, точно раструб у рупора, многократно усиливал звук. Если доверять только слуховым ощущениям, казалось, что у моего уха жужжит маленький моторчик.

Изначально я предполагала, что слепой котенок неспособен выражать чувства. Этого-то, наверное, и опасались те, кто отказался его принять. Они втайне боялись, что питомец, у которого на мордочке не написано никаких чувств, неминуемо останется в доме чужим.

Разглядывая котенка у себя на руках, я вдруг поняла, что отнюдь не глаза служат зеркалом, в котором отражаются чувства и мысли. Их передают окологлазные мышцы. Именно они поднимают и опускают уголки глаз, собирают вокруг морщинки радостного удивления и придают им угрожающий прищур.

И пусть самих глаз у котенка не было, мышцы остались невредимыми. Судя по ним, его глаза сейчас были бы полужакрыты. Я отлично знала это выражение — оно часто появлялось на мордочках моих кошек. Выражение полного довольства всем и сразу. То, с какой легкостью пришло к нему это выражение, было хорошим признаком. Значит, несмотря на печальный опыт, в его маленькой кошачьей душе жила вера, что он все равно найдет себе место. Такое место, где ему будет тепло и спокойно.

Видимо, это место нашлось.

— Ну ради бога, будь по-твоему. — Я бережно положила его обратно в коробку и принялась рыться в сумочке в поисках салфетки. — Заверните... с собой.

* * *

Но Пэтти настояла, чтобы на всякий случай котенок пока оставался в приюте. Так она могла присмотреть за швами, чтобы, не дай бог, не попала еще какая-нибудь инфекция. Кроме того, хорошо бы котенку поднабрать вес, прежде чем столкнуться со всеми прелестями твердой пищи и двумя взрослыми кошками в придачу. «Вы сможете забрать его через несколько дней», — заверила она меня.

Таким образом, моя шутка о Председателе Мяу внезапно стала воплощаться в реальность. Вот только от задуманного имени я решительно отказалась.

— Такого впопору назвать Штепселем, — предложила «добрая» Мелисса. — Того и гляди, воткнется где-нибудь в стену.

— Это ужасно! — воскликнула я. — *Ни за что* не допущу, чтобы его звали Штепселем и чтобы он «втыкался»!

— Была бы девочка, назвали бы Розеткой, а коротко — Розой, — не смутившись, повела плечом Мелисса. — Но, по-моему, Штепсель он и есть...

В свое время придумать имена для Скарлетт и Вашти мне не составило труда. Скарлетт попала ко мне уже с именем. Ее, вместе с остальными котятами выводка, нашел механик. Имя Скарлетт пришло ему в голову потому, что первые несколько дней кошечка без конца падала в обморок. А вот Вашти — настоящее библейское имя. Так звали персидскую царицу, которая отказалась танцевать обнаженной перед очами мужа своего, персидского царя, и его собутыльников на какой-то знатной пирушке. В наказание ее изгнали из страны. Похоже, в раннюю библейскую эпоху она стала одной из первых феминистских мучениц. Правда, *моя* Вашти, котенком походившая разве что на лысый мешок с костями, превратилась в экзотичную длинношерстную красавицу чуть ли не персидских кровей. Но будем считать это счастливым совпадением.

Меньше всего хотелось навешивать на котенка имя, которое бы напрашивалось само собой, пусть и самое знаменитое. (По этой причине отпали такие имена, как Рэй* и Стиви**, которые, по мнению моих благожелательных друзей, как нельзя лучше подходили

---

* Рэй Чарльз (1930–2004) — американский слепой музыкант, автор более 70 студийных альбомов, один из известных исполнителей музыки в стилях соул, джаз и ритм-энд-блюз. Был награжден 17 премиями «Грэмми», попал в залы славы рок-н-ролла, джаза, кантри и блюза, в зал славы штата Джорджия; его записи были включены в Библиотеку конгресса США.

** Стиви Уандер (р. 1950) — легендарный американский слепой соул-певец, композитор, пианист, ударник, аранжировщик, музыкальный продюсер и общественный деятель, оказавший огромное влияние на развитие музыки XX века. Двадцатипятикратный лауреат премии «Грэмми», один из основоположников классического соула и ритм-энд-блюза.

слепому черному коту.) Не хотелось и ничего вычурного или зловещего. Он обречен на слепоту до конца своих дней. Если имя что-нибудь да значит, то пусть слепота будет последним, на что указывает его имя.

Всю следующую неделю не было ни одного дня, в который я не навестила бы ветеринарную клинику. Если меня спрашивали зачем, я неизменно отвечала: «На его долю и так выпало немало, другому на всю жизнь бы хватило. Но каждому нужна возможность зацепиться за кого-то или за что-то, кроме самой жизни. А раз так, пусть привыкает ко мне — хоть по запаху, хоть по слуху».

Впрочем, причин переживать у меня было более чем достаточно. В некоторых не хотелось признаваться даже себе самой. Теперь он мой, мой бесповоротно, и я чувствовала себя обязанной хотя бы понять, как он «видит» окружающий мир, как находит в нем свои пути.

Вот почему каждый вечер после работы я забегала к Пэтти. Та доставала котенка из ящика и пускала нас в пустую амбулаторию, где он мог свободно передвигаться. Я тихо сидела в углу и наблюдала.

Я уже могла сказать, что он неутомимый исследователь. Вес пластмассового воротника, что висел, как щит у странствующего рыцаря во вражеских землях, мешал котенку держать голову прямо. Но и без этого «щита» он норовил держать нос поближе к земле. Комнатушка была небольшой, и вскоре он обнюхал каждый ее дюйм. Натолкнувшись на стену или стол, он тут же принимался трогать их лапками. Так инженер прикидывает размеры и толщину предмета.

Как-то раз он попытался взобраться на стул в углу комнаты, но пока что это была единственная попытка покорить неизвестные вершины, хотя большое комнатное растение в противоположном углу было не менее привлекательным. Он уже начал принюхиваться к нему. Тогда мне впервые пришлось сказать котенку нет. Не хватало еще, чтобы он вывалился в земле или, что совсем не лучше, свалил само растение, ободрав ему листья.

Наконец наступил день, когда все еще безымянного котенка можно было забрать домой. Я уже стала побаиваться, что он

обречен жить Штепселем по умолчанию. Никаких других вариантов не придумалось.

Срочно требовалось имя, но не любое, а именно его. И тут он представился мне героем некой повести. В его жизни и впрямь было нечто схожее с сюжетом хорошей книги: испытания, страдания, чудесное воскрешение и множество преград, которые еще предстояло преодолеть.

Вот тут-то мне и пришло в голову, что он был не только героем, но и автором своей повести. Причем, не имея представления о том, как выглядит мир, он должен был «рисовать» в своем воображении какие-то образы. Хотя бы для того, чтобы объяснить этот мир самому себе. А как иначе понять, что такое стул? И не просто стул, а стул, который загадочным образом преградил тебе путь сегодня, ведь еще вчера его там не было. Что *представляет* собой стул? Откуда они вообще берутся, эти стулья? И зачем? А как объяснить себе то, что, как бы тихо ты ни крался, всеведущая «приемная мать» уже знает, что ты замыслил что-то запретное еще до того, как ты его совершил? Когда (в четвертый раз!) он попытался забраться в большую, полную земли кадку с растением и в четвертый раз услышал внезапное твердое «нет», на его мордочке собрались морщинки недоумения. Знать разницу между «неслышный» и «невидимый» он, конечно, не мог. «Я ступал так тихо — откуда она все знает?!»

Когда в семье появляется питомец, вы думаете, что в истории вашей жизни он будет персонажем второго плана. В нашем случае мне стало казаться, что в истории его жизни второстепенным персонажем буду я. Из неуверенной в себе, неустроенной, одинокой девушки с тремя... кошками на шее я превратилась в некое верховное божество. Всезнающее и всевидящее, милосердное и непостижимое.

Я наблюдала, как неуверенно и неловко он пересекал пространство комнаты — местность, на мой взгляд, с немудреным рельефом. Да и расстояния плевые. Для него же она была и необъятной, и неведомой. Он как раз пытался вылавировать между Сциллой и Харибдой — ножкой стола и мисочкой с водой, когда споткнулся на ровном месте и сунулся мордочкой в воду. Не успел

он испугаться, как я подхватила его на руки, приговаривая: «Хороший котик, хороший мальчик». Он тут же замурчал, удовлетворенный милостью небес. А вот упорству его можно было только позавидовать. Он столько раз наталкивался на миску с водой или неправильно рассчитывал высоту, запрыгивая на стул. Столько раз бился о ножку стола, позабыв о ней. Но всегда продолжал идти вперед. Казалось, он твердил себе: «Там, по другую сторону преграды, есть такое место, куда я должен обязательно попасть. Там меня ждут дела, которые без меня никто не осилит».

В поисках этого места и метался наш герой. Мало того, он еще и придумывал собственных героев и слагал свои мифы о богах. Зачем? Затем, что мифы для того и нужны: объяснить необъяснимое. Он был Одиссеем. И он же был слепым рассказчиком, выдумавшим Одиссея. Жизнь представлялась ему бескрайним эпосом, потому что границ он попросту не видел.

Теперь я знала, как зовут котенка.

— Гомер! — сказала я вслух.

Он протяжно мяукнул в ответ.

— Что ж, хорошо. — Я была рада, что он согласен. — Значит, Гомер.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

